

Шэнь Вэнь вернулся рано утром. Когда он вошел в дом, старуха Ван стояла у очага, раздувала огонь, готовя завтрак, и громко ругала Ван Хэяо.

Ван Хэяо сидел снаружи, на низкой табуретке, как побитая собака. Его плечи сгорбились еще сильнее, лицо побледнело до серого оттенка, а глаза были налиты кровью.

Старуха Ван всегда обожала своего единственного сына. Несмотря на то, что он предавался еде, пьянству, азартным играм и даже посещению публичных домов, она все равно считала, что ее сын — хороший человек. Во всем она винила его дурных друзей, которые его якобы совратили, и его супруга, который не мог родить им ребенка.

Шэнь Вэнь никогда прежде не слышал, чтобы она так ругала Ван Хэяо. Он постоял у двери, слушая, и вскоре понял, что стало причиной ее гнева.

После той ночи Лэйцзы не только потребовал обратно четыре лян серебра, которые он дал ранее, но и попросил компенсацию в десять лян за лечение. У Ван Хэяо не было денег, чтобы заплатить, поэтому Лэйцзы привел людей, которые избили его. Более того, они пригрозили прийти снова, если он не расплатится через пару дней. Ван Хэяо, не выдержав такого давления, украл у своей матери большую связку ключей. Пока она спала, он перебрал их один за другим и нашел закладные на сорок му земли. Он продал их.

Репутация у Ван Хэяо была дурной, и покупатели боялись связываться с ним, опасаясь проблем. Поэтому он смог продать землю только с большой скидкой — почти на половину дешевле. Земля, стоившая восемьдесят лян серебра, принесла ему лишь пятьдесят пять. Любой другой на его месте чувствовал бы себя ограбленным, но Ван Хэяо, получив деньги, был так счастлив, что едва не потерял сознание. Он мгновенно забыл, что дома уже практически нечего есть, и даже не вспомнил о долге перед Лэйцзы. Спрятав деньги в карман, он тут же отправился в игорный дом, где за одну ночь проиграл все до последнего лян.

За столько лет в азартных играх он так и остался полным неумехой. Он даже не понял, что его обманули: люди узнали о продаже земли и специально устроили заговор, чтобы выманить у него деньги. Иначе он никак не мог бы проиграть такую сумму за одну ночь.

Сегодня утром старуха Ван обнаружила пропажу закладных и, от ярости чуть не потеряв сознание, наконец-то сорвалась и начала кричать на своего любимого сына.

Когда Шэнь Вэнь открыл дверь, мать и сын обернулись на шум. В доме было темно, но от внезапного света, влившегося в комнату, они оба прищурились.

Когда глаза привыкли к свету и они разглядели, кто стоит в дверях, Ван Хэяо резко вскочил с низкой табуретки. Заикаясь, он пробормотал:

— Ты... ты зачем это вернулся?

Шэнь Вэнь слегка улыбнулся и, глядя на них обоих, спокойно сказал:

— Я немного устал, пойду полежу. Завтрак я уже ел, на меня не готовьте.

Сказав это, он не стал ждать их реакции, прошел в комнату и закрыл за собой дверь, после чего изнутри больше не было слышно ни звука.

Старуха Ван и Ван Хэяо переглянулись. Произошедшее казалось им сном. Когда Шэнь Вэнь вошел, они едва его узнали.

Тот, кого они привыкли видеть худым, с желтоватым лицом и синяками от частых побоев, теперь выглядел совершенно иначе. За эти несколько дней ушли все синяки, лицо округлилось, кожа побелела, и он стал выглядеть на пять-шесть лет моложе. В нем вновь появились черты того человека, каким он был в момент, когда только вошел в этот дом.

Эта перемена казалась невероятной. Они даже не задумывались раньше, что сами довели Шэнь Вэня до такого состояния. Ему постоянно не доставалось еды, он плохо спал, а побои и ругань стали частью его жизни. Но в последние дни, пока он жил у семьи Цин Яня, ему там давали лучшие блюда, заботились о его здоровье, окружали общением, приглашали на прогулки и игры, чтобы поднимать настроение. А ведь Шэнь Вэню было чуть больше тридцати лет — возраст, когда организм еще мог восстановиться, если дать ему такую возможность.

Теперь, видя его переменившимся, мать и сын невольно сравнили его с духом или демоном, который будто бы высосал чью-то жизненную энергию.

— Ма... мать, — прошептал Ван Хэяо, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Он... он только что снова... снова улыбнулся?

Старуха Ван сглотнула, а затем с яростью залепила сыну пощечину:

— Трус! Чего ты его боишься?! — рявкнула она. А потом, набрав побольше воздуха, крикнула в сторону комнаты, — Если вернулся, марш на кухню готовить еду! Не думай, что тебе спуску дадут, только потому что за тебя кто-то заступился! В моем доме никто даром хлеб не ест! Быстро...

Она не договорила — Ван Хэяо зажал ей рот рукой и, оттаскивая назад, прошипел:

— Мама, ради всего святого, не кричи! Если он и правда начнет готовить, я не буду это есть! Ты забыла? В ту ночь он с улыбкой жевал тот огромный кусок мяса с кровью, который откусил с Лэйцзы! А я потом несколько дней кошмары видел! В каждом сне он готовил мне еду, каждый раз варил мясо, и когда с улыбкой снимал крышку с кастрюли, там было кровавое человеческое мясо!

Старуха Ван вздрогнула всем телом, вырвалась из рук сына и бросила:

— Перестань пугать сам себя!

Сказала так, но больше не заговаривала о том, чтобы позвать Шэнь Вэня готовить еду.

К полудню старуха Ван все-таки не выдержала. В доме почти не осталось даже заплесневелого проса. Чтобы растянуть запасы, она в последнее время ходила к реке или на горы собирать дикие травы. Собранное смешивала с крупой и варила жидкую кашу.

Раньше о таких делах ей и думать не приходилось — все это делал супруг ее сына. Но сейчас ей самой, с ее возрастом и больными ногами, тяжело было даже подниматься в гору, а уж спускаться вниз — тем более. Каждый день она рылась в траве, готовила, убирала дом и двор, стирала одежду сына, грела ему воду и мыла полы, залитые рвотой после его попоек.

Эти дни выдались для нее настолько изнурительными, что ее спина уже начала горбиться, а ноги по вечерам еле волочились.

И все это только усугубляло ее негодование. А сегодня, когда Шэнь Вэнь вернулся, но даже пальцем не пошевелил, у старухи Ван внутри все закипело.

К полудню, несмотря на попытки Ван Хэяо ее остановить, она решительно застучала в дверь внутренней комнаты, громко ругаясь:

— Ты, несчастье ходячее, кого тут пугать вздумал? Думаешь, ты у нас какая-то благородная госпожа? Да ты на это не годишься! Вылезай и иди работать!

Лицо Ван Хэяо побледнело. Он сперва попытался ее остановить, но, вспомнив, как раньше Шэнь Вэнь всегда был перед ним почтителен, и сопоставив это с сегодняшним утренним равнодушием, сам почувствовал обиду. Его кулаки невольно сжались. Ему снова захотелось ударить.

«Даже если он и правда какая-то нечисть с гор, если хорошенько отделать, то станет покорным», — думал он, скрежеща зубами.

Он перестал удерживать мать. Старуха Ван кричала все громче и оскорбительнее, а удары по двери становились всё сильнее.

Ван Хэяо, потеряв терпение, уже собрался с силой выбить тонкую дверь ногой, но в этот момент та с тихим скрипом открылась изнутри.

В тот миг, когда дверь распахнулась, Ван Хэяо, только что полный злости, вдруг невольно

отступил на два шага назад и сглотнул.

На пороге стоял Шэнь Вэнь с его белоснежным лицом. Его взгляд был спокоен, голос тих, как легкий ветерок. Он спросил:

— Мама, это кого вы сейчас так ругаете?

Злобное лицо старухи Ван вытянулось:

— Ругаю именно тебя, ты, ходячее несчастье!

Шэнь Вэнь спокойно ответил:

— Если вы, мама, не уточняете, кого ругаете, я даже подумал, что говорите о себе. Ведь с тех пор, как вы вышли замуж в семью Ван, сначала умер свекор, потом через два года — свекровь, а еще через три года — муж. А единственный сын вырос никчемным прожигателем жизни, который только и знает, что есть, пить, гулять да играть. Род на грани вымирания — разве это не вы, мама, настоящее несчастье?

Старуха Ван никогда не терпела такого дерзкого ответа от невестки. Ее лицо побелело от злости, она шумно хватала ртом воздух, но никак не могла отдышаться.

Стоявший рядом Ван Хэяо вытаращил глаза от ярости, сжал кулаки и искал момент, чтобы броситься на обидчика и ударить.

Однако Шэнь Вэнь не только не испугался, но даже шагнул навстречу, выйдя из комнаты. На его плече висел узелок — явно он собирался куда-то уходить.

Ван Хэяо остолбенел и спросил:

— Ты куда это собрался?

Шэнь Вэнь посмотрел на него, тяжело вздохнул и спокойно ответил:

— В уездную управу.

— В уездную управу? Зачем? — с недоумением спросил Ван Хэяо.

— Я хочу пойти и признаться.

— Признаться? В чем? — насторожился Ван Хэяо, его сжатый кулак постепенно разжался.

Шэнь Вэнь ответил:

— Несколько ночей назад ты привел Цянь Лэя домой, и мы с ним остались наедине в одной комнате. Согласно законам нашего государства, это считается сводничеством, и я собираюсь подать заявление.

С каждым словом лицо Ван Хэяо становилось все мрачнее, а руки начинали дрожать от страха. Он торопливо запротестовал:

— Нельзя! Нельзя этого делать!

Сводничество каралось ссылкой на два года. А Цянь Лэй был единственным сыном в семье, живущей в городе, где его отец обладал некоторым влиянием. Именно поэтому Ван Хэяо не осмеливался ему противоречить. Если Цянь Лэя сослали бы или с ним что-то случилось бы в ссылке, отец Цянь Лэя, скорее всего, содрал бы с него шкуру.

Шэнь Вэнь покачал головой:

— Я уже все решил.

Ван Хэяо схватил его за рукав, его голос изменился от отчаяния:

— Ты... ты не смеешь! Для признания нужны доказательства, а у тебя их нет. За ложное обвинение тоже полагается наказание!

Шэнь Вэнь улыбнулся, обнажив свои белоснежные зубы, и сказал:

— А кто сказал, что у меня нет доказательств?

При виде этой улыбки у Ван Хэяо в голове что-то щелкнуло. Его глаза широко распахнулись, словно он понял, о чем идет речь.

Шэнь Вэнь продолжил:

— На плече Цянь Лэя не хватает большого куска мяса. Это место не так-то просто случайно укусить, правда? К тому же, если прикинуть, следы от зубов еще не успели зажить.

Глаза Ван Хэяо заметались, губы задрожали:

— Ты... ты тоже будешь сослан. Дорога опасна, там могут быть разбойники, или ты можешь умереть по пути от болезни.

Шэнь Вэнь кивнул и сказал:

— Ты прав.

Но прежде чем Ван Хэяо успел с облегчением выдохнуть, он продолжил:

— Но ведь я уже умирал. В колодец прыгал, помнишь? Если умру по дороге, то умру.

На этот раз Ван Хэяо чуть не потерял сознание. Он хотел было еще что-то сказать, но тут в открытые ворота двора вошла соседка, тетя Ли.

Увидев ее, Ван Хэяо торопливо выхватил у Шэнь Вэня его узелок, шепотом умоляя:

— Прошу тебя, не ходи в управу и никому об этом не рассказывай! Я буду делать все, что ты скажешь, правда!

Шэнь Вэнь промолчал, но и не попытался вернуть себе узелок.

Ван Хэяо с облегчением выдохнул, поспешно унес узелок в дом и спрятал его. Затем, все еще бледный, стал подгонять свою мать, чтобы та скорее занялась готовкой. Сам же впервые в жизни сел у печи, чтобы развести огонь. Пока он старательно чиркал огнивом, ухом он все время ловил обрывки разговора между Шэнь Вэнем и тетей Ли. Только когда она ушла, он окончательно успокоился.

...

После обеда, разобрав все по местам, Цин Янь все еще был беспокоен из-за Шэнь Вэня. Вместе с Цю Хэнянем, под предлогом того, что принесли орехи, они зашли в дом семьи Ван.

Как оказалось, все было именно так, как говорила тетушка Ли. Шэнь Вэнь с радостной улыбкой вышел поговорить с ними, а мать и сын Ван сидели словно перепуганные перепела. Только после этого они оставили орехи и с облегчением направились домой.

На обратном пути Цин Янь задумчиво сказал:

— Мне кажется, Шэнь Вэнь стал другим.

Цю Хэнянь обернулся в сторону дома семьи Ван и ответил:

— Он ведь, по сути, умер. После такого человек неизбежно меняется.

После небольшой паузы он добавил, нахмурившись:

— А Ван Хэяо, несмотря на свою кажущуюся слабость, не так прост. Неизвестно, что он еще может выкинуть. Впредь не ходи к старшей невестке в одиночку.

Цин Янь кивнул:

— Хорошо.

Когда Цин Янь вернулся домой, он заметил, что Цю Хэнянь не собирается уходить, а достал столярные инструменты, намереваясь заняться работой дома. Он удивленно спросил:

— Сегодня в кузнице нет дел?

Цю Хэнянь, очищая стружку с рубанка, поднял взгляд на него и негромко ответил:

— Есть, но я не хочу идти.

Цин Янь замер, слегка растерявшись. Однако взгляд Цю Хэняня быстро прояснил смысл его слов. Щеки Цин Яня вспыхнули румянцем.

Хотя в этих словах не было ничего откровенного, Цин Янь почувствовал себя настолько смущенным, что не смог выдержать его взгляда. Торопливо сославшись на то, что нужно вскипятить воду, он буквально сбежал в дом.

Цю Хэнянь провозился добрую часть дня, соорудив трехуровневую полку над курятником, чем-то напоминающую книжный стеллаж. Разница заключалась в том, что на каждом уровне вместо полок были гнезда, выложенные из сухой травы, специально для того, чтобы курицы могли откладывать туда яйца.

Когда работа была завершена, они вдвоем подняли конструкцию и установили ее над курятником. Цю Хэнянь закрепил углы полки гвоздями, прочно соединив ее с курятником. Теперь маленькие курочки могли спокойно ночевать внизу, а днем откладывать яйца на верхних уровнях или даже высиживать цыплят.

Цин Янь с интересом наблюдал за происходящим и, посмеиваясь, отметил, что теперь у курочек целый «многоэтажный дом». Он даже приподнялся на цыпочки, пытаясь заглянуть на самый верхний уровень, но все равно не смог дотянуться. Вдруг две большие руки обхватили его за талию и подняли вверх.

— Ой! — вскрикнул Цин Янь, моментально обвив руками шею мужчины.

— Видишь теперь? — спросил Цю Хэнянь, подняв голову и глядя на него снизу. Голос его был низким и спокойным.

Цин Янь смущенно опустил глаза и тихо пробормотал:

— Вижу.

Его аккуратно опустили на землю. Ткань их одежды мягко скользнула друг о друга, и Цин Янь почувствовал через нее твердую грудь и рельефные мышцы рук, что только сильнее разожгло жар на его щеках.

Редкий случай — оба остались дома на весь день. Вечером Цин Янь приготовил три блюда: потушил рыбу с бататной лапшой и большим кусками тофу, нарезал остатки свиной головы и обжарил их, а еще сделал омлет с ароматными листьями цедрелы. Ужин получился весьма сытным и праздничным.

После еды, убрав со стола, Цю Хэнянь принес еще дров, а в большой котел набрал воды — было понятно, что он собирается греть воду для купания.

День выдался дождливым, и, поднимаясь в горы, они оба не раз попали под дождь. Волосы и одежды промокли, их покрывала легкая сырость. Цин Яню действительно хотелось помыться.

Они по очереди привели себя в порядок, вымылись, вытерли волосы насухо и, как всегда, устроились вдвоем у изголовья кровати с книгами. Однако, успев прочитать лишь страницу, Цю Хэнянь вдруг остановился.

— Что случилось? — с недоумением спросил Цин Янь.

Цю Хэнянь закрыл книгу, положил ее перевернутой рядом и потянул за полог кровати. Они оказались внутри, сидя друг напротив друга. Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга. Цин Янь опустил взгляд, провел рукой по краю своей тонкой рубахи, словно случайно зацепив завязки на воротах, распустил их. Однако, развязав, он и не подумал завязывать обратно.

К нему протянулась большая рука, чтобы поправить ворот и снова завязать ленточки. Цин Янь опустил глаза, крепко сжал губы. Видно было, что он расстроен. После полудня, полного намеков и поддразниваний, он надеялся на что-то большее, особенно после того, как специально нагрел воду для купания.

Цю Хэнянь вдруг тихо рассмеялся. Цин Янь резко поднял взгляд, и в полумраке, при слабом свете лампы, увидел легкую улыбку на губах напротив.

Его взгляд замер на этой улыбке, он не заметил, как рука Цю Хэняня отпустила завязки, вместо этого ухватившись за края его одежды, начала медленно стягивать ее с тонких плеч.

Прикосновение прохладного воздуха заставило тело Цин Яня слегка вздрогнуть. Его ресницы дрогнули, он чуть помедлил, но затем поднялся на колени и, поддавшись порыву, потянулся к губам Цю Хэняня.

Прошло уже несколько дней. Единственный украденный поцелуй остался в воспоминаниях, словно короткий сон после долгожданного наслаждения. Цин Янь чувствовал себя опустошенным.

Ему казалось, будто он — сладкий леденец, который медленно растворяется от самого основания. Он закрыл глаза и тихо вздохнул от удовольствия.

Мужчина, чуть отстранившись, поднял голову и тихо спросил, хочет ли Цин Янь повторения прошлой ночи. Тот порывисто поднялся, чтобы найти крем, но его остановили.

Теплая ладонь Цю Хэняня скользнула вниз. Затем он развернул ее, чтобы показать Цин Яню. Тот бросил короткий взгляд, затем тут же отвернулся, покраснев от смущения.

На его ладони, без всякой мази, уже блестела влага, переливаясь мягким светом от масляной лампы.

<http://bllate.org/book/13590/1205197>